

Rozov N. S. On models of the university in today's Russia. – Russian Education and Society. – 2008. – No. 50(5). – P. 76–84.

Rozov N. S. Track and pass: macrosociological base strategies of Russia in XXI century. – Moscow: ROSSPEN, 2011.

Ryabov A. Modernization in Russia and global change. – [Electronic resource]. – URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch.php (date of access: 22.09.2013).

Schumpeter J. The theory of economic development: an inquiry into profits, capital, credit, interest and the business cycle. – Cambridge, 1934. Beck U. Risk Society Towards another modern. – Moscow, 2000.

Tretyakov V. T. Russia: new frontiers and strategic priorities. – Dynamics of Innovation. – Novosibirsk, 2011.

Khan A. V. Science in the information society. – Towards knowledge societies. – St. Petersburg, 2004.

Принята редакцией: 11.06.2015

DOI 10.15372/PNE20150405

УДК 159.9

ИМАЖИНАТИВНО-РОЛЕВЫЕ ИМПАЗИТЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ НЕГАТИВНЫХ ПАТТЕРНОВ ПОВЕДЕНИЯ

Л. В. Паньшина, Ю. М. Перевозкина (Новосибирск)

В статье приводится анализ научных исследований и обозначается проблема идентификации современной молодежи в условиях деструктивной информационной социальной среды, способствующей росту жестокости, агрессивности и всевозможных форм асоциального поведения. Авторы рассматривают ролевые категории, определяющие позиции субъекта относительно бытия, а также характерные для них стадии развития. Проводится анализ архетипической сущности имажинативных способов

© Паньшина Л. В., Перевозкина Ю. М., 2015

Паньшина Людмила Васильевна – аспирант кафедры психологии личности и специальной психологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: ludapan6@mail.ru

Перевозкина Юлия Михайловна – кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии личности и специальной психологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: per@bk.ru,

Panshina Lyudmila Vasilievna – postgraduate student of the Chair of Personality Psychology and Special Psychology of the Department of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

Perevozkina Yulia Mikhailovna – Candidate of Psychological Sciences, Head of the Chair of Personality Psychology and Special Psychology of the Department of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

формирования индивидуальных и коллективных представлений как бессознательного фундамента социального взаимодействия. В данном контексте сущность мифов рассматривается как символическая актуализация сознания посредством архетипических образов, оптимизирующих бессознательные, имажинативные способы социального взаимодействия. Образная сфера определяется ее ролью как связующего звена внутреннего мира субъекта с разнообразными реалиями человеческого бытия, отражающей субъективные репрезентации в познании реальности и регуляции собственной жизнедеятельности.

Авторами подчеркивается актуальность исследования преобладающих у индивида архетипов коллективного бессознательного, посредством которых происходит интерпретация всех изменений окружающего мира через призму воинствующего, злобного, деструктивного духа-разрушителя. Отмечаются возможности поиска новых подходов к профилактике и коррекции форм девиантного поведения посредством имажинативной реконструкции сценариев социального взаимодействия, которые конкретизируются в феномене когерентной архетипической идентичности.

Ключевые слова: архетип, образ, коллективное бессознательное, девиантное поведение, социальное познание, ролевые категории.

ROLE-IMAGE SETTINGS AS THE DETERMINANTS OF THE NEGATIVE PATTERNS OF BEHAVIOR

L. V. Panshina, Yu. M. Perevozkina (Novosibirsk)

The problems of identity of young people are analyzed in the research issues under consideration. Destructive social environment fosters an increase in cruelty, aggression and deviant behavior. The authors examine the role categories, which determine the position of the subject with respect to existence. Specific stages of development are considered. In the article there are analyzed the imaginative ways of forming the individual and collective unconscious representations as a foundation of social interaction. In this context, the essence of myths is seen as a symbolic actualization of consciousness through archetypal images which optimize the unconscious, imaginative ways of social interaction. A special attention is paid to the image sphere, which is a link between inner world of the person and manifold realities of human existence. The image sphere is reflective of reality comprehension and self-regulation of life activity.

The authors emphasize the relevance of the study of collective unconsciousness archetypes. Scientists believe that archetypes are the base of social knowledge mechanisms. Accordingly, the Jungian archetypes of the «self», which are considered in connection with «deep unconsciousness», can be seen in a new light, namely as some mental patterns. The person perceives the social environment through archetypal patterns. A person's judgments of surrounding social environment depend on the dominant personality archetype. The authors hope to find new approaches to prevention and correction of deviant behavior by reconstructing the

scenarios of social interaction. In solving this problem, there are considered some possible strategies to develop a relevant archetypal identity.

Keywords: *archetypal identity, social perception, young age, deviant behavior, social knowledge, collective unconscious, image, role.*

Жизнь современного человека в значительной степени формируется средствами массовой информации, компьютеризацией, глобальной информационной сетью, которые проникают во все сферы человеческой жизнедеятельности и выступают важными факторами трансформации психики, включая аспекты деструктивных изменений. Исследования, посвященные изучению изменчивости самосознания и духовности личности современного юношества, определяют, что социально-информационные факторы, суть которых составляют информационные технологии современной культуры, обращенные к сознанию и самосознанию личности, могут как способствовать развитию духовности и самосознания, так и подвергать деструкции данные категории [1]. Ученые признают, что дефицит нравственности и духовности сменился (или восполнился) антидуховностью, появлением антигероев, чему активно способствуют все формы СМИ, создавая деструктивную информационную социальную среду. Такая среда фактически обращена против личности молодого человека, провоцирует рост жестокости, агрессивности и всевозможных форм асоциального поведения у подростков и молодежи [2].

Указанные выше негативные тенденции в развитии современной личности и общества ставят перед психологической наукой исключительно важную задачу по выявлению факторов ранней профилактики девиантного поведения детей и подростков. В связи с этим подчеркивается актуальность исследования доминирующих у индивида архетипов коллективного бессознательного, посредством которых происходит интерпретация всех изменений окружающего мира через призму воинствующего, злобного, деструктивного духа-разрушителя.

Образная сфера выступает в роли связующего звена внутреннего мира субъекта с разнообразными реалиями человеческого бытия, отражая субъективные репрезентации в познании реальности и регуляции собственной жизнедеятельности [3]. Овладение объективно существующими формами человеческой деятельности осуществляется в процессе ассимиляции идеальных образов, нравственных идеалов, мотивов и смыслов поведения. Чем больше в субъективном пространстве личности накапливается идеальных образов, тем легче овладеть определенными формами человеческой деятельности [1].

Исследования с позиции юнгианского подхода к архетипической детерминации социальных процессов позволили значительно углубить понимание онтологической роли архетипов коллективного бессознательного в

процессах зарождения и развития сознания [3]. Был обнаружен механизм, определяющий базовые элементы архетипической диалектики этапного образного представления коллективных, бессознательных закономерностей в сознании индивида.

Основатель аналитической психологии К. Г. Юнг в своих трудах рассматривал архетипы коллективного бессознательного с позиции психоаналитической концепции, онтологизирующей их роль в становлении всех форм социального взаимодействия [4]. Автор полагал, что поведение личности строится на основе врожденных интрапсихических образов. В структуре личности ученым были выделены сознание и бессознательное, которое в свою очередь делится на личное и коллективное. Личное бессознательное составляют элементы, вытесненные из сознательной сферы психики. Этими элементами, в понимании К. Г. Юнга, являются «утраченные воспоминания, вытесненные (намеренно забытые) мучительные представления, подпороговое восприятия», которые могут проявляться в форме «комплексов» (комплекс Эдипа, комплекс неполноценности) [4; 5]. Коллективным бессознательным К. Г. Юнг назвал глубинный слой в структуре личности, который обладает наследственной природой и «не является личным приобретением». Структурообразующими элементами коллективного бессознательного являются архетипы. Архетипы – это универсальные модели бессознательной психической активности, спонтанно определяющие человеческое мышление и поведение. Под универсальной моделью понимается форма «инстинктивного поведения» [4; 5]. К. Г. Юнг утверждал, что архетипы и инстинкты влияют на поведение индивида и не подлежат контролю со стороны сознательной сферы. С точки зрения автора, архетип обозначает всечеловеческие предрасположенности к восприятию и оцениванию значимых фактов внешнего и внутреннего миров личности. К. Г. Юнг полагал, что имагинативная интерпретация сущности человеческой души воплощает архетипическую диалектику сознания и бессознательного [4].

В аналитической психологии в качестве реальности, стоящей за категорией «архетип», рассматриваются бессознательные процессы, онтологический статус которых в настоящий момент также не представляется окончательно ясным (К. Г. Юнг, Дж. Хиллман [4; 6] и др.). В организационной психологии под архетипами понимаются образцы, стандарты поведения, характерные для культуры в целом и для организационной культуры в частности (Р. Мохнес, М. W. Ford, Е. Ноппер [7–9]). В психодраме архетипы предстают как фигуры, разыгрывающие между собой сценарий. Наличие сильного эмоционального отклика на событие говорит о связи этого события с архетипом [10].

Автор теории ролей Я. Л. Морено определяет роль как единицу синтетического опыта, куда вкраплены частные, социальные и культурные

элементы. Это форма функционирования, которую принимает индивид в определенный момент, реагируя на определенную ситуацию, в которую вовлечены другие лица или объекты. С точки зрения автора, личность образуется ролями (самость возникает из ролей, а не наоборот) (см.: [11]).

Я. Л. Морено выделил ролевые категории, которые определяют позиции субъекта относительно бытия. К первичным ролевым категориям относятся соматические, психические, социальные и трансцендентные роли, соответствующие телесным, интрапсихическим, интерпсихическим характеристикам и духовному бытию человека. Автор полагал, что в норме в каждый момент жизни человек выступает во всех названных ролях. Они взаимопроникают и определяют друг друга, хотя в конкретной ситуации одни из них могут быть более выражены, чем другие. Роли могут закрепляться в стереотипной форме, что препятствует спонтанности. Я. Л. Морено рассматривает роли как паттерны поведения, с одной стороны, и как экзистенциальные способы бытия – с другой (см.: [11]).

Согласно теории ролей существуют следующие стадии ролевого развития:

– эмбриональная стадия, которая является матрицей органического развития. На этой стадии роль человека – это соматическая роль паразита в материнском теле. Ребенок и мать образуют органическое единство;

– стадия «первой вселенной», которая предполагает фазу вселенской идентичности, где ребенок не различает себя и мир, равно как для него нет различия психики и соматики, образуя интеракциональное единство с матерью, и фазу вселенской реальности, где осуществляется различение и узнавание людей и предметов;

– стадия «второй вселенной» предполагает дифференциацию мира реальности и мира фантазии, появление ролей нового типа – психических и социальных.

Г. Лейтцем выделена стадия «третьей вселенной», которая соответствует трансцендентным ролям и определяет новое переживание единства с Космосом в форме сознательной ему сопричастности [11].

Нормальное ролевое развитие предполагает последовательное продвижение от соматических ролей к трансцендентным. Таким образом, одним из критериев здоровья зрелой личности является ее способность действовать одновременно на соматическом, психическом, социальном и трансцендентном ролевых уровнях. Специфика ролевого репертуара определяет особенности ролевого развития, которые выражаются в ролевом дефиците, то есть отсутствии того или иного уровня ролей, недостаточной освоенности какой-либо роли, а также ролевой избыточности. Нарушения ролевого развития проявляются в «выпадении» опреде-

ленного промежуточного ролевого уровня, застое ролевого развития, частичной или полной ролевой регрессии [11].

В работах С. А. Маленко исследуются проблемы детерминации сценариев социального взаимодействия образно-символическими и знаковыми презентациями сознания. В основе данного процесса рассматривается архетипическая сущность имагинативных способов формирования индивидуальных и коллективных представлений как бессознательного фундамента социального взаимодействия. Образованные индивидуальные смыслы в процессе социальной адаптации становятся основой для дальнейшего формирования возможных интерпретаций символов. Автор полагает, что вследствие этого бессознательно складывается альтернативный, социальный сценарий имагинативных презентаций архетипа, сокращающий (редуцирующий) многообразие содержаний индивидуально-го сознания и деятельности моделей социального взаимодействия. Такая тенденция оказывается ведущим способом социальной деформации имагинативных содержаний, а также единственной формой структурирования индивидуальных и коллективных отношений. В дальнейшем осуществляется процесс социальной объективации имагинативных сценариев социального взаимодействия, который определяется историческими, цивилизационными и культурными формами [3].

Зарубежные исследователи полагают, что генеральную концепцию понимания «хорошо» и «плохо» определяют культурные ожидания (см., напр.: [12]). Направление жизни и культурный конструкт неразрывно связаны. Возраст больше всего – это общественные ожидания, нравственные и поведенческие, которые определяются в хронологическом позиционировании человека на протяжении жизни, и смысл каждого возрастного этапа заключается и формулируется конкретным общественным и культурным направлением идей и философий, взглядов и практик.

В работах Е. Ю. Зарубко исследуются категориальные структуры сознания, корреспондирующие к психической реальности, обозначенной как архетипы. Автор предлагает определение, согласно которому архетип представляет собой имплицитную модель взаимодействия между универсальными деятелями. Термин «имплицитная» означает, что речь идет о модели, которая является не только актуальной, но и всегда существовавшей, функционировавшей имплицитно: в онтогенезе – через взаимодействие с родителями, в антропогенезе – через общественную практику, передающуюся из поколения в поколение, в филогенезе – через функциональные отношения между животными. В исследовании Е. Ю. Зарубко выявлено онтологическое основание архетипа: архетип представляет собой схемы межсубъектного взаимодействия. Онтологический статус архетипа и его передача из поколения в поколение определяются основами коммуникативной активности. Показано, что архе-

тип является составляющей обыденного сознания и представляет собой конкретизацию обобщенных категорий в сфере межличностного взаимодействия. Автор определяет возможность архетипического анализа различных ситуаций посредством разделения архетипа на такие составляющие, как субъекты, интенции субъектов, сценарии межсубъектного взаимодействия [13].

Исходные природные смыслы и возможности их толкований в пространствах индивидуальных и социальных взаимодействий организуются посредством архетипов коллективного бессознательного, которые выступают образом родового бытия сознания. Образ является первичной реальностью имагинативного освоения мира на промежуточных этапах и не зависит от индивидуально характерных моделей вытеснения/сублимации архетипических содержаний [3]. Символ является имагинацией осмысленного образа как мифически переживаемого экзистенциального события, которое обобщает сознание индивида в пространстве социального взаимодействия. Механизм интерпретации символа и способов его последующей идеологизации выражается в имагинативной реконструкции сценариев социального взаимодействия [3].

Исследователи рассматривают роль мифов в контексте символической актуализации сознания посредством архетипических образов как оптимизирующих бессознательные, имагинативные способы социального взаимодействия [3; 14]. В исследованиях Ю. М. Перевозкиной психосемантическое мифологическое представляет собой виртуальное пространство, образованное ассоциациями, метафорами, включающее эмоционально-смысловые поля, задающее категориальную сетку целостного мировосприятия субъекта и апеллирующее к глубинной семантике. Структура психосемантического мифологического пространства включает существующие в обыденном сознании базовые символы, образующие «ядерный набор». К ним относятся такие полярные значения, как «жизнь – смерть», «мужское – женское», «добро – зло», «счастье – несчастье», отражающие древние категории мировосприятия, закрепленные в мифологических первообразах [14].

Исследователь С. А. Маленко отмечает, что имагинативная диалектика архетипа не только формирует образ сознания, но и являет сущность жизни (природа, человек и общество). Автор полагает, что их первоначальное природное образование осуществляется в форме инстинкта как наиболее естественной для освоения содержаний мира становящимся сознанием. Впоследствии на основе этого эволюционного задела предполагается имагинирование архетипа посредством сознательного освоения социального и индивидуального бытия. Посредством имаго архетип «образовывает» сознание, делает реальным его развитие в образ-

ных презентациях бессознательного, всегда соответствующих конкретным жизненным ситуациям [3].

Таким образом, сознание индивида всегда организуется родовой совокупностью символов жизни, познания и деятельности, освоение которых направляется естественной, имагинативной диалектикой сознания и бессознательного. В связи с этим следует определить значимость дальнейшей научно обоснованной работы в области бессознательных тенденций личности, которая обозначит возможности выявления механизмов формирования девиаций на основе анализа бессознательных архетипических паттернов негативных проявлений. Это позволит раскрыть новые подходы к профилактике и коррекции форм девиантного поведения посредством имагинативной реконструкции сценариев социального взаимодействия, которые конкретизируются в феномене когерентной архетипической идентичности, то есть соответствующей возрастному этапу и полу, и обеспечивающей адекватное включение человека в окружающий мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Тарасьян Н. А.** Особенности духовности и самосознания современного российского юношества: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Ставрополь: СГУ, 2012. – 404 с.
2. **Боев И. В.** Пограничная аномальная личность. – Ставрополь: СГУ, 1999. – 364 с.
3. **Маленко С. А.** Архетипические сценарии социального взаимодействия: дис. ... д-ра филос. наук. – Великий Новгород, 2010. – 451 с.
4. **Юнг К. Г.** Структура психики и архетипы. – М.: Академ. проект, 2007. – 303 с.
5. **Gullatz S.** Constructing the collective unconscious // *Journal of Analytical Psychology*, 2010. – Vol. 55 (5). – P. 691–714.
6. **Хиллман Дж.** Внутренний поиск: сб. работ разных лет – М.: Когито-центр, 2004. – 335 с.
7. **Moxnes P.** Group therapy as self-management training: a personal experience // *Group Analysis*. – 2006. – № 39. – P. 215–234.
8. **Ford M. W., Greer V. M.** Profiling change: an empirical study of change process patterns // *The journal of applied behavioral science*. – 2006. – Vol. 42(4). – P. 420–446.
9. **Hopper E.** Theoretical and conceptual notes concerning transference and counter-transference processes in groups and by groups, and the social unconscious: part III // *Group analysis*. – 2007. – Vol. 40(2). – P. 285–300.
10. **Барц Э.** Игра в глубокое: введение в юнгианскую психодраму. – М.: Класс, 1997. – 144 с.
11. **Лейтц Г.** Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама Я. Л. Морено / пер. с нем. – М.: Прогресс; Универс, 1994. – 352 с.
12. **Brown Sheila.** Understanding youth and crime: listening to youth? / Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 1998. – 144 p.
13. **Зарубко Е. Ю.** Архетипы в обыденном сознании // *Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та.* – 2010. – № 27. – С. 37–43.
14. **Перевозкина Ю. М.** Структурные трансформации психосемантических мифологических пространств личности: на примере славянской культуры: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Новосибирск: Новосиб. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования и др., 2009. – 24 с.

REFERENCES

1. **Tarasyan N. A.** Features of spirituality and consciousness of modern Russian youth: author's abstract...Doctor of Psychological Sciences. – Stavropol: SSU, 2012. – 404 p.
2. **Boev I. V.** Pre-deviant personality. – Stavropol: SSU, 1999. – 364 p.
3. **Malenko S. A.** Archetypal scenarios of social interaction: Doctoral dissertation. – Veliky Novgorod, 2010. – 451 p.
4. **Yung K. G.** The structure of psyche and archetypes. – Moscow: Academic Project, 2007. – 303 p.
5. **Gullatz S.** Constructing the collective unconscious. – Journal of Analytical Psychology. – 2010. – No. 55(5). – P. 691–714.
6. **Hillman J.** Internal search: Collected works of different years. – Moscow: Cogito-center, 2004. – 335 p.
7. **Moxnes P.** Group therapy as self-management training: a personal experience. – Group Analysis. – 2006. – No. 39. – P. 215–234.
8. **Ford M. W., Greer B. M.** Profiling change: an empirical study of change process patterns. – The journal of applied behavioral science. – 2006. – Vol. 42(4). – P. 420–446.
9. **Hopper E.** Theoretical and conceptual notes concerning transference and counter-transference processes in groups and by groups, and the social unconscious: part III. – Group analysis. – 2007. – Vol. 40(2). – P. 285–300.
10. **Barts E.** Playing in the deep: Introduction to Jungian psychodrama. – Moscow, 1997. – 144 p.
11. **Leytts G.** Psychodrama: Theory and Practice. Classical psychodrama of J. L. Moreno. – Transl. from German. – Moscow: Progress; Unvers, 1994. – 352 p.
12. **Brown Sheila,** Understanding youth and crime: listening to youth? – Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 1998. – 144 p.
13. **Zarubko E. Yu.** Archetypes in everyday consciousness. – Herald of the South Ural State University. – 2010. – No. 27. – P. 37–43.
14. **Perevozkina Yu. M.** Structural transformations of psycho-semantic mythological spaces of the person (on an example of Slavic culture): author's abstract...Candidate of Psychological sciences. – Novosibirsk: The Novosibirsk Teachers' Professional Re-Training Institute, 2009. – 24 p.

BIBLIOGRAPHY

- Andronnikova O. O.** The influence of individual experience on the victimization of the teenager's personality. – Philosophy of education. – 2015. – No. 1(58). – P. 58–69.
- Brown M. L., McDonald S., Smith F.** Jungian archetypes and dreams of social enterprise. – Journal of Organizational Change Management. – 2013. – Vol. 26(4). – P. 670–688.
- Goodwyn E.** Approaching archetypes: Reconsidering innateness. – Journal of Analytical Psychology. – 2010. – Vol. 55(4). – P. 502–521.
- Gostev A. A.** Image's sphere of human in the knowledge and experience of spiritual meanings. – Moscow: Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. – 2001. – 85 p.
- Panshina L. V., Perevozkina Yu. M.** Archetypal correlates of the social perception at young people. – Siberian Pedagogical Journal. – 2014. – No. 5. – P. 134–138.
- Zubareva S. A.** On negative factors of higher education integration in the context of the Bologna process (socio-philosophical analyses). – Pprofessional Education in the Modern World. – 2015. – No. 2(17). – P. 58–68.

Принята редакцией: 06.05.2015